

5.

Вѣдѣма

Лѣствица

А. Л. Миропольскій.

К-во „Грифъ“
Москва. 1905.

2007085479

5686-0

Дозволено цензурою.
Москва, 8 сент. 1904 г.

Т-ство „Печатня С. П.
Яковлева.“ Москва, Пе-
тровка, Салт. пер., д. 9.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ уютной комнатѣ, у камина, развѣлясь въ мягкомъ креслѣ, пріятно мечтаемъ подчасъ мы о томъ, что мракъ, окутывавшій человѣчество, начинаетъ рѣдѣть. Съ лучезарныхъ высей научнаго знанія какъ будто сползають туманныя личины неопредѣленныхъ страховъ и суевѣрій. Разорванныя въ клочки, онѣ таютъ, загораясь романтическимъ блескомъ. Вечерній, немеркнуущій свѣтъ озаряетъ вокругъ всѣ мелочи, и онѣ такъ отчетливо выдѣляются въ этомъ свѣтѣ.

Если намъ скажутъ, что и теперь личина не сорвана, что и теперь между нами и Вѣчностью только игра въ прятки, какъ часто мы не хотимъ этому вѣрить: золотое зеркало горизонта и улица, залитая золотомъ, съ веселыми, бѣгущими людьми—развѣ есть еще

мѣсто ужасамъ тьмы теперь, когда все прояснилось?

А между тѣмъ никогда еще призракъ не выросалъ въ такомъ грозномъ величїи, какъ теперь, въ этомъ золотомъ свѣтѣ научныхъ откровеній.

Прежде въ нахмуренномъ, сыромъ туманѣ мелькали ослѣпительные пролеты лазури, казалось, что туманъ призраченъ, а то, что за нимъ, есть ликъ неизмѣнной Вѣчности. Но когда разорвался туманъ и повсюду блеснуло небо съ каемкой зари, стало ясно, что это—только голубая занавѣска, окаймленная золотой тесьмой,—голубая вуаль, накинутая надъ пропастью. Наука могла разогнать мракъ, сгустившійся передъ ней, но она не могла разогнать вѣчной ночи, изъ глубинъ которой сама явилась. Въ этомъ смыслѣ она „темнаго хаоса свѣтлая дочь“.

Съ личины спала личина. Призракъ не могъ спасти подобіе собственной реальности, когда онъ предсталъ предъ нами, разоблаченный. Золотое зеркало горизонта, и улица съ зажигающимися фонарями, эти бѣгущіе

люди—мы уже знаемъ, что все это незнакомо намъ, хотя бы ужъ потому, что неизвѣстно пространство, въ которомъ все это происходитъ.

И это окно, изъ котораго мы смотримъ, есть окно въ непостижность, — больше мы ничего не знаемъ о немъ. И четыре стѣны, и каминъ, и мягкое кресло, въ которомъ мы только что размышляли о возможности постиженія міровой фантасмагоріи, и эти уютныя мелочи, не укроютъ они насъ отъ всюду витающей ночи.

Свѣтъ разогналъ тьму, и тогда оказалось, что самъ онъ пропитанъ тьмою. Если наука—солнце, то мы знаемъ, что солнца выброшены изъ ночной пасти міра. Хаосъ, прогнанный съ авансцены человѣчества, выглянулъ изъ глубины сцены, и мы ужъ безсильны бороться съ нимъ.

И если мы отказываемся мужественно заглянуть въ ужасъ ночи для того, чтобъ убѣдиться, что нѣтъ въ томъ никакого ужаса, и что ночь нѣжна и задумчиво спокойна, если мы отказываемся, сама ночь идетъ на насъ, и

сумеречныя тѣни начинаютъ уродливо плясать на стѣнѣ, принимая очертанія единороговъ, горбуновъ, карловъ. Хаосъ въ образѣ страшнаго карлы бросаетъ солнца въ пустоту, и они взлетаютъ, крутятся, — золотые волчки.

Мы уже начинаемъ понимать, что живемъ среди неизвѣстностей, и что не укроемся отъ нихъ ни четырьмя стѣнами, ни устремленіемъ къ матери сырой землѣ: сама земля только мячъ, надутый огнемъ, только мячъ въ лазурной сѣткѣ, называемой небомъ, вѣчно мчащійся шаръ, никуда немогущій упасть, потому что и падать некуда.

Изъ ночной пустоты выступаютъ туманности, какъ изъ чьихъ-то вѣщихъ очей, чтобъ изойти слезами, брилліантовыми звѣздами. Мириады звѣздъ заблестали въ пустотѣ. Ночь выплакала всѣ солнца, всѣ звѣзды. Все, что существуетъ, все, что является намъ, пронизано звѣздностью, все — порожденіе ночи. День — личина между нами и міромъ, — личина, и притомъ неизвѣстно, чья: быть можетъ, она надѣта на насъ, быть можетъ, на міръ, — личина между двумя безднами. Двѣ бездны

установились другъ на друга изъ подъ призрачной маски. Но призракъ разсѣется, бездны сольются. Мы станемъ міромъ, потому что будемъ внѣ міра, какъ Тотъ, Кто сказалъ: „Я уже не въ мірѣ, но они въ мірѣ, а я къ Тебѣ иду, Отче святой (Іоаннъ).“

Быть можетъ, есть только два призрака: призрачный міръ для насъ подъ личиною явленій, и мы, скрытые для міра подъ маской. Мы должны растопить маску, мы не должны быть призрачны. Горе тому, кто, зная міровой фантомъ, воспользуется даннымъ ему знаніемъ для утвержденія своей обособленности, кто станетъ міромъ во имя свое. Онъ воистину злой магъ.

Есть среди насъ злые маги, одержимые призракомъ.

Намъ безразлично, ходятъ ли они въ мантияхъ среди пещеръ или среди болотныхъ огней, или мы встрѣчаемъ ихъ въ застегнутыхъ сюртукахъ на журфиксахъ, — каждый разъ мы безотчетно вздрагиваемъ, говоримъ себѣ: „какая-то мелькнула тѣнь“.

„Не духъ ли то болотный?“

(Вѣдьма).

Творятъ ли они заклинанія надъ козлиной кровью, или говорятъ объ искусствѣ и литературѣ, — узнаемъ ихъ по личинѣ, привязанной къ лицу. И если сотворимъ про себя крестное знаменіе, неожиданно оборвется ихъ уклончиво - разсудительная рѣчь: изъ - подъ личины раздается крикъ демона, обитающаго въ нихъ:

„Хо! Хо! Хо! Хо!“

(Вѣдьма).

„Вѣдьма и „Лѣствица“ говорятъ намъ о колдунахъ, о магахъ. Вникнемъ же въ эти слова. Вѣдь мы тутъ имѣемъ дѣло не со сказочными героями, а съ тѣми, кто подъ маской благовидной лжи творить среди насъ вѣчное марево...

Помолимся о томъ, чтобъ личина съ нихъ спала, предсталъ намъ истинный ликъ ихъ и разсѣялся туманъ навожденій.

Андрей Бѣлый.

21-го октября 1904 г.